

Касым АМАНЖОЛОВ

Касым Рахимжанулы Аманжолов (1911-1955) родился в Каркаралинском районе Карагандинской области в семье бедняка. Рано лишившись родителей, Касым воспитывался в детском доме в городе Семипалатинск. В 1930 году он закончил Семипалатинский зооветеринарный техникум. Некоторое время учился в Ленинградском институте лесного хозяйства, а затем до конца своей жизни работал в редакциях газет и журналов, в аппарате Союза писателей Казахстана.

К. Аманжолов, начавший печататься с 1931 года, издал при жизни несколько сборников стихов и приобрел известность как талантливый поэт. Но настоящую славу ему принесло трехтомное издание его сочинений (1955-1957), вышедшее в свет уже после его смерти.

К. Аманжолов плодотворно трудился и в области художественного перевода. Он блестяще перевел на казахский язык многие стихотворения А Пушкина, его поэму «Полтава», «Маскарад» М. Лермонтова, поэму «Василий Теркин» А. Твардовского, произведения Байрона, Шевченко.

Произведения К. Аманжолова издавались на русском языке отдельными сборниками, входили в состав антологий.

УСПОКОЙСЯ

Бедное сердце, стучишь ты так больно -
То ты горишь, то ты мерзнешь невольно,
Будто в груди не найдешь себе места,
Чем же ты, сердце мое, недовольно?

Что тебя мучит, какая тревога?
Разве забыта к покою дорога?
Если ты будешь в подобном волнении.
Сердце, как лист, ты пожухнешь до срока.

Что же огонь твой не знает предела?
Душу казнит и сжигает он тело.
Хочешь, чтоб богу отдал свою душу,
Чтоб меж землею и небом истлела?

Бедное сердце, ты бьешься неровно,
Или совсем уже стало бескровно?
Хоть ты себя пощадило б немного,
Ну, успокойся, ну, будь мне покорно.

Ну, успокойся, не плачь бесконечно,
(Ну, разлюбила - ничто ведь не вечно,
Если заплачешь - она рассмеется,
Ты хоть умри - будет так же беспечна!)

Ну, успокойся - с тобой отдохну я,
Ну, успокойся - свободно вздохну я.
Горе свое извлеку и развею,
Новый мотив над землей всколыхну я.

Ну, успокойся, - осилив разлуку,
Снова перо возьму в свою руку.
Буду копать я колодец раздумий,
В строки стихов я волью твою муку.

Ну, успокойся, на все я согласен!
Путь соколиный и мне не опасен.
Если прикажешь, взлечу я до солнца,
Лишь бы твой мир был спокоен и ясен.

Ну, успокойся, коль мне ты прикажешь,
Чаши пройду я и горные кряжи,
Недра любые тебе я открою
Там, где нога не ступала даже.

Ну, успокойся, скажи - и в пучину
Брошусь и дно океана раздвину,
Всё достоянье подводного царства
Вынесу и пред тобою раскину.

Ну, успокойся, на все я откликнусь.
Жизнь наша - сад, дай к плодам я
приникну,
Собранным соком стихи напитаю -
Памятник вечный тебе же воздвигну.

Есть у моей домбры мотив, не сыгранный пока,
Есть тайна на душе моей - о ней молчит строка.
Я эту тайну и мотив тебе бы подарил,
Когда, влюбленная в меня, была б ты мне близка.

Без вдохновенья вверх орел не взмлет, клекоча,
И разве заблестит алмаз без яркого луча?
Так вдохновение мое - в возлюбленной моей,
Так и любовь моя живет, в моей груди звуча.

А если эта жизнь - корабль, я, значит, водоем,
И солнца свет, и свет луны всегда горят на нем.
Придет ли день, когда ко мне, как лебедь,
приплывешь.
Ты приплывешь - и вместе мы с тобою поплывем.

Тогда бы я напел мотив, не сыгранный пока,
Открыл бы тайну я свою, о чем молчит строка.
Тогда с возлюбленной своей - со спутницей
души -
Зажил бы вместе - и тогда прошла б моя тоска.

1938

НАР ТАУЕКЕЛ!

Добро! Рискнем!. . И я шагнул навстречу
свету дня.
Когда ты веришь сам себе, то вера - как броня.
В дороге этой, может быть, споткнушь и упаду,
Тогда, прошу тебя, мой друг, не обвиняй меня.

Я не боюсь, что упаду, - мне тихо не ступать!
Я побегу, все на пути стараясь разорвать.
Пусть осторожничают тот, считая каждый шаг,
Кого отметила навек трусливости печать.

Хоть буду падать, на бегу всю жизнь
я проведу.
А осторожный тихоход идет - и ждет беду.
Я буду падать и вставать, я буду уставать,
И все же к цели первым я уверенно приду.

1940

СКАЗАНИЕ О СМЕРТИ ПОЭТА

(Поэма)

Памяти Абдуллы Жумагалиева

1

Война терзала шар земной.
Металл расплавленный гудел.
От жизни к смерти путь прямой
Покрыт был тысячами тел.
Но, сердце гневом опалив
И в пули это пламя влив,
Друзей бесстрашных потеряв,
Всю ярость боя в грудь вобрав,
Как барс, отважен и суров.
Один в кольце своих врагов
Остался воин на посту.

2

Он вглядывался каждый миг
В дымящуюся темноту...
Он ждал,
Преграду он воздвиг
Перед озлобленным врагом.
Он был готов одним рывком
Расстроить вражескую сеть.
Рвануть гранатой да штыком
И, если надо, -
Умереть.
Поротно в поле топоча,
В себе все чистое топча,
За пряди спутанных волос
Любовь убитую влача,
Погром и казни людям пес
Тупой солдат - фашистский пес
В обличье гнусном палача.
В те дни под бременем тоски,
Как бы от недруга таясь,
Оскудевали родники,
Дробились камни на куски,
Как бы рассеяться стремясь,
И ветер бил врага в упор,
И прятал друга черный бор.
Но немцы, чашу окружив
Наткнулись там на храбреца,
Что, одинок и горделив,
Стоять решился до конца!

3

В нежданной странной тишине
Скользнуло солнце на покой,
И месяц был, как часовой,
Поставлен на ночь в вышине;
И притаился темный бор,
Как человек, вперяя взор
В грозящий гибелью простор;
И только старая сосна,
Не зная отдыха и сна,
Одна звенела, как струна.

4

В завалах из гнилых стволов
Себе найдя случайный кров,
Враги присели у костров.
А он из тьмы на них глядел.
Как будто взглядом сжечь хотел:
Казалось, он, как динамит,
Вот-вот из чаши прогремит.
Шнуром бикфордовым обвит.
«Живым, - сказал, - не буду взят
Здесь я хозяин, а не вы,
И пусть кольцом я вашим сжат, -
Не вам, а мне принадлежат
Вот эти чаши, что шуршат
Шатрами хвои и листвы,
Моей касаясь головы!
О милость матери-земли,
Дай мне могучие слова!
Вложи мне в грудь раскаты льва
И сердцем тигра надели!
Да задрожат от этих слов
И глубь земли, и неба высь;
В гранату, сердце, превратись.
Тебя швырну в моих врагов!»
Он темный лес, как буревал,
Словами клятвы колебал.

5

Гнусней всего, презренной всех
Звучал вокруг злорадный смех.
Метнулись птицы в бор сырой.
Всплеснула заводь под горой,
Вздыхнул томящийся герой:
Как чайке - мир озерных вод,
Ему был мил родной народ,
И грудью он к земле припал,
И мшистый камень целовал,

И пламя чувствовал в крови,
Что жарче пламени любви.
И больше воин ждать не мог -
Он воздух выстрелом прожег,
Его удар пришелся впрок -
Не зря он нажимал курок:
Ответом были - дикий вой
И оголтелая струя
Бесцельных пуль.
Они гурьбой
Вошли в трухлявину корья.
Но вот прожектор голубой
Лесные щупает края...
Не так ли пред броском змея
Поводит острой головой?

6

На окруженного бойца
Низвергся ураган свинца.
Снаряды тягостным вытьем
Самим волкам внушали страх.
Деревья брызнули щепьем,
И камни обратились в прах.
С десятка, нет! -
Со ста сторон
Грозилась гибель храбрецу.
Нерасторжимому кольцу
Противился упорно он.
«Меня, - сказал, - не взять живьем!»
А те в ответ: «Возьмем! Возьмем!...»
Герой стремительным огнем
Врагов уничтожал в ночи,
Как ядом тучу саранчи
Уничтожает агроном;
И одинокий автомат
Для них страшней был во сто крат,
чем артиллерии раскат.
Грозился враг:
«Уж мы возьмем!»
А он в ответ:
«Но не живьем!»

7

Он танк увидел пред собой;
Он знал:
Всего лишь раб слепой
Стальное это существо.
Но смерть во чреве у него.
Бездушен он.

Но там, внутри, -
Озлобленные дикари.
«Так вот жестокий тот слуга,
Что, чуткий к прихотям врага,
Своим железным существом
Во мне, разумном и живом.
Смятенье хочет породить,
Чтоб дух бездушьем победить!
Так вот во что превращены
Труды порабощенных рук,
И залежи земной казны,
И ухищрения наук!
Но, встретив мужество и честь.
Железо превратится в жель». -
И он гранатой танк поджег,
И вспыхнул тот, как сена стог.
И накренился, и увяз,
И содрогнулся всем нутром,
Чтоб в первый и последний раз
С живым сравняться существом.
И враг решил:
«Пора кончать!» -
И огнеметы в ход пустил,
Но пуль герой не находил,
Но автомат в руке застыл,
И нечем было отвечать!...
Скрестил он руки на груди:
«Пусть я один в глухом бору,
Победа правды впереди!
Я у народа на смотрю,
Я победителем умру!»
И то была пора чудес!
В тот час преобразился лес:
Огни, одетые в шелка,
затмив сияние луны,
В извивах шали и платка,
Красны, желты да зелены,
Шли на героя.
Так плывет

Красавиц пестрый хоровод.
Повадкой девичьей маня,
Пьяня одеждою цветной,
Шурша подолами огня,
Пожар безумствовал лесной.

И, отсветами обаян,
 Как бы из золота отлит,
 Стоит боец.
 На пляску он
 Как зачарованный глядит.
 А хоровод кружил вокруг...
 Красавицы то там, то тут
 Взлетают, падают - и вдруг
 Устами жаркими прильнут
 К его губам - и отойдут,
 И снова пляшут,
 И опять
 Бегут героя целовать.
 Змеится пламя на груди,
 Потрескивает на ремне,
 И крикнул гибнущий в огне:
 «Завидуй враг!
 Завидуй мне!
 На торжество мое гляди!»
 Горящий мох, горящий куст,
 Любой росток его земли
 Прикосновеньем жарких уст
 Его лобзали - и сожгли.
 Он дым с обугленных ветвей
 Вдыхал, как некий Прометей.

Увидя смерти близкий лик,
 Сверкнули гневные глаза,
 Как если б горная гроза
 С вершин низверглась напрямик;
 Сумел он солнечным венцом
 Свой лоб страдальческой облечь,
 И, как певец перед концом,
 Сам для себя слагал он речь:
 «Дай руку, Смерть,
 и от врагов
 Мое дыханье охрани!
 Я променял позор оков
 На погребальные огни.
 Прощай, родимая страна!
 Я перед Родиной в долгу.
 Прости мне всё, чего сполна
 Тебе вернуть я не могу!
 Дано не много было мне.
 Едва увидел я восход.
 Но путь открыт моей стране,
 Ты счастлив будешь,
 мой народ!

Твой гнев не раз врагов сметал,
Ты в силах небо сотрясти,
Тому,
 кто силы зла призвал,
За все злодеяния отомсти!
Вот всё,
 о чем я здесь прошу!
С презрением к мерзостным врагам,
Я в этом сердце уношу
Любовь к родимым очагам!
Живите...»
Хоровод огней
Его прервал и закружил
И, ластясь девушки нежней,
Под звуки песни удушил.
И эта песня унеслась
К сердцам встревоженных пичуг,
Что,
 вихря пламени страшась,
Над ним описывали круг.
Он долго высился в дыму.
Еще ведя последний бой.
Бессмертье, наклонясь к нему,
Его манило за собой.

10

Рассказ печальный на крылах
Пичуги вынесли одни,
А враг ступил на головни.
Чтоб осквернить хотя бы прах,
Но гром, врагу наперекор.
Окрестность дымную потряс.
Объятя бури распростер
И прах от поруганья спас.
Был пепел в буре растворен,
Не скоро стихшей вдалеке,
И на советском языке,
Под сенью ленинских знамен,
Гремящей славой наделен.

11

О, седовласый дед-казах!
С домброй испытанной в руках,
Вокруг себя народ собрав,
Коня нарядно оседлав,
Красуясь в бархатном седле,
На диво внукам сказ твори
О том, какие на земле
Рождаются богатыри!

Свободы светлая заря
 Дала стране богатыря,
 Который, песни сам творя,
 Как сердце девичье, был чист
 И, как закрытой книги лист,
 Для Родины неведом был.
 Но книгу ураган раскрыл -
 И то, что было на листе,
 Предстало в строгой красоте.
 Да, может бор сгореть дотла,
 Но память о певце светла,
 О посрамившем силы зла,
 О том, чье имя - Абдулла!
 Скажу я сыну:
 «В добрый путь!
 Когда свою расправишь грудь,
 Пером владея золотым, -
 Вернуться, милый, не забудь
 К его заслугам боевым!»
 Плетите, девушки, венки,
 Утрите слезы, старики.
 Пусть пляшут струны, разъярясь:
 Не Абдулла ль из-за реки
 Смотрит с улыбкою на нас?
 Споемте же под звон домбры
 Вкруг поминального котла.
 Вы слышите - с крутой горы
 Нас окликает Абдулла!

1944

УТЕС

Утес угрюмо стережет
 Один простор равнин.
 И птицы, ринувшись в полет,
 Кружат вокруг вершин.

А туча с молнией в груди
 Сползает неустанно,
 Встречает он ее дожди,
 Одет в чапан тумана.

Усеян бусинками рос,
 Он слезы льет устало...
 Сравни меня и тот утес,
 Когда мне грустно стало.

1944

ПИСЬМО РОДИНЕ

Слово первое

«Ласковый, шаловливый был у меня сынок, -
Где-то теперь он, милый?...» Брезжила даль дорог
Родина, мне казалось, шепчет так про меня,
Был я в гостях у смерти, что я ответить мог?

Родина, ты шептала: «Может, он полон сил,
Разве что крылья песен пламенем опалил.
Кружится он, как ястреб, пламени не боясь,
В черном дыму сражений, над темнотой могил».

Степи, меня встречая, к фронту, на запад, шли,
Но не кружился сокол песен моих вдали,
Долго из-под ладони вглядывалась страна, -
Может, лежу я мертвый, крылья помяв, в пыли?

Нет, я живым вернулся, видел я: смерть страшна,
Не одолела все же в схватке меня она.
Что мне вода и пламя - выживу я везде:
Как сапоги солдата, ты, моя жизнь, прочна!

Слово второе

Помни, в окне мелькали реки и города,
Родина провожала долго меня тогда.
Сзади бежали степи, глядя с тоской нам вслед:
Но не догнать на запад мчащие поезда.

Как метеор беззвучно мчит через небосклон,
Так же молчу, чтоб песня не превратилась в стон.
Что мне пропеть: «Прощайте!» или: «Вернусь я,
жди!»?
Смерть и весна-невеста - ждали вы с двух
сторон...

Льдами сверкали горы, света река лилась,
Странной была картина, радостная для глаз,
Словно родные горы, словно степную ширь
Я увидел впервые или в последний раз...

Слово третье

Пули листву терзали, с жалостью я смотрел:
Дуб продолжал бороться, падать он не хотел;
Горечь во мне взметнулась, пламя со дна души,
Я, словно дуб могучий, в пламени почернел!

Падал я среди мертвых, шел я среди живых,
Черствый сухарь делил я поровну на двоих.
Дружба в боях рождалась и умирала вновь:
Смерть не щадила в схватке лучших друзей моих.

Слово четвертое

Землю рвала на части алчная пасть огня
Попускалось небо с грохотом на меня,
И облака разрывов жало пускали вновь,
И розовели горы, заревами дразня.

В оба ревя мотора, словно и впрямь живой,
Хищник искал добычи, мчался над головой.
Черною пикой бомбу в землю вонзал, и вот
Снова чернело поле выжженной травой.

Грудь мою согревала теплая кровь опять:
Друга обняв, у смерти жертву хотел отнять,
А надо мной склонялась родина, Казахстан,
Чудилось мне, что рядом плачет о сыне мать.

Снова опомнясь, снова вглядываясь во тьму,
Ждал я, глаза горели; где ты, вернись к нему,
Ждет тебя сын! Но пламя вспыхивало, и ты
Таяла легкой дымкой в черном густом дыму.

Пламя, повсюду пламя, тлела земля в огне, -
Но ведь наступит снова утро в моей стране,
И кисея рассвета вытрет повсюду кровь,
Светлой зарей, отчизна, спустишься ты ко мне.

Если б не ты, я знаю, пуля б меня нашла,
Пламя бы налетело, испепелив дотла,
Сила любви великой лучше любой брони
Мне от молчанья смерти сердце уберегла.

Слово пятое

Помню, как в рваной шубе, голоден, одинок,
Шел мальчуган бездомный, к счастью ища дорог.
Родина, подняла ты к солнцу мое лицо;
Кроме тебя, кого же матерью звать я мог?

Мог ли назваться другом, братом или отцом
Тот, кто прошел бы мимо с гордым и злым лицом.
Он бы сказал: «Пропаций!» Ты же спасла меня,
Я не склоняюсь отныне даже пред смертным

концом!

Пусть же огонь терзает, слезы стоят в глазах;
Пусть от жестокой муки я бы вконец зачах.
Рос я в степях, корнями весь я в родной земле,
Жив я, ведь я упрямый, я ведь степняк-казах!

Родина, я тоскую, слышишь, прошли года,
Многих я не увижу, может быть, никогда.
Было бы сердце птицей, я бы послал его
Восточку из родного мне принести гнезда.

Степи мои и горы, снова я вижу вас,
Вы обо мне безмолвно думаете сейчас -
Шелестом, плеском речек. О Алатау мой,
Жив я, и сам услышишь скоро ты мой рассказ.

Птицей взметнется песня, эхом в твоих горах,
Правду расскажет людям, всюду развеет страх.
Жив я! Любовь к народу - главное, что во мне, -
Даже в моей могиле не обратится в прах!

1944

ДАРИГА

Вправду иль во сне
Ты явилась мне,
Девушка чудеснее весны!
Но заветный луч
Скрылся среди туч,
Лишь ударил первый гром войны.

Яростью горя,
Вздыбились моря.
Нам страна родная дорога.
Под литым дождем
В жаркий бой идем...
Где же ты, о, где ты, Дарига?

Смерть моя близка,
Рана глубока,
Чудится ли, нет ли - не пойму:
Вновь со мною та
Девушка-мечта...
О, как трудно сердцу моему!

Силы больше нет,
Меркнет белый свет.
Как была ты, радость, недолга!
Просияй хоть раз,
Свет любимых глаз!
Где ж ты, о, где ты, Дарига?

Как я жить хочу,
Как любить хочу! ...
Сердце вдруг рванулось, как на зов.
Я в приливе сил
На ноги вскочил,
В бой кипящий кинуться готов.

Кончена война.
Радостна весна.
Одолели смертного врага.
Еду я домой
С песнею-мечтой:
Где же ты, о, где ты, Дарига?

1946

ДОМБРА

1

О, домбра, почему твоя песня грустна?
Грудь твоя забытых преданий полна.
Лишь рукою коснусь я упругих струн,
Зазвучит вековая боль, старина.
Точно лебеда зов, точно звон ветерка
Над уснувшей равниной Сары-Арка.
Слышу голос твой будто сквозь чуткий сон,
И видений летят надо мной облака...

2

Тихим вечером настезь окно раскрой,
Сядь в обнимку с воркующей домброй,
И мечта, словно сокол, умчится ввысь
И тебя увлечет прихотливой игрой.

Пред тобою засветится даль миров.
Засверкает в тумане страна певцов.
И немые пространства откроют тебе
Мирозданья законы, тайны веков.

Звуки нежно трепещут в пальцах твоих,
Ты душою открыт и сердцем притих, -
Вдруг несмело к тебе постучится в грудь
Незаметно из мрака пришедший стих.

Поскорей принимай его ко двору:
Сядь, пиши, не давай отдохнуть перу!
А когда ты наполнишь стихами лист,
Вновь еще горячее обними домбру.

1946

На солнце греясь, камни мостовой
Лучам горячим подставляют спины.
Они живыми кажутся весной,
Хоть нет в них жизни капли ни единой.

Как странно создан иногда поэт:
С безжизненным беседея предметом,
Он видит душу в нем, которой нет.
И люди есть такие в мире этом.

Познал в природе тайну я камней,
Я научился многому и знаю,
Что и камням становится больней,
Когда на них весною я ступаю.

Вот если б мог вдохнуть я чувство в них,
Тогда бы боль их сразу оживила!
И в этот миг упряжка вороных
Меня с налету чуть не задавила.

1946

РОДИНА

Земля родная, золотая колыбель!
Когда б душа моя не пела, как свирель,
Когда бы камнем я лежал в твоём песке,
Ужель молчал бы я? Безмолвствовал ужель?

Как ты просторна, о земля, как велика!
Над каждой тропкою твоей стоят века.
Я счастлив тем, что родился в твоей степи,
Но даже боль в твоих степях - и та легка.
Твой ветерок не от дыханья ль моего?
С твоим простором дух мой чувствует родство.
Ты ничего не пожалела для меня,
И я, родная, не жалею ничего.

О милый край! Тобою грезит твой акын.
Когда не вижу я родных твоих долин,
То словно никну, словно дряхлым становлюсь...
Я твой певец! Я твой защитник. Я твой сын.

1946

МОСКВА

О, Москва!
Тебе моя струна.
Ты одна -
как целая страна.
Нет других
таких же
городов.
Мрамор твой я целовать готов.
Ты - столица русских и армян,
Украинцев,
ненцев
и грузин.
Я - казах.
Но я твой кровный сын:
Ведь тобою
понят
Казахстан!
Ты для всех народов такова.
Дружба наций! -
этот лозунг твой,
Эти
заповедные
слова
Слышит мир,
когда звучит Москва.
Город славы!
Только ты один
Сердцу мира
бесконечно мил.
Ты
своим значением
затмил
И Нью-Йорк,
и Лондон,
и Берлин.
Славен ты
не плавностью реки,
Дорог нам
не площадей простор:
Улицы
у многих
широки,
Да широк ли
мыслей кругозор?
Что за счастье видеть небоскреб,
Если он -
как стоэтажный гроб?

Что душе
 асфальты и торцы,
Если там живые мертвецы?
Золотая милая Москва!
Счастье -
 даже дума о тебе.
Ты для всех народов такова -
Золотое солнце в их судьбе.
Радостным
 волнением
 томим,
Я брожу
 по площадям твоим,
По арбатским
 улочкам
 брожу
И к стене Кремлевской подхожу.
Поворот - и Ленина музей.
От него направо -
 Мавзолей.
В нерушимой
 строгой тишине
Ленин спит -
 и в этом чутком сне
С миром
 говорит
 наедине.
Бережно
 неся
 свою тоску,
Ты в раздумье
 выйдешь на простор,
Взглянешь
 на красавицу Москву,
На кремлевский флаг подымешь взор
И волна
 ликующей
 любви
Так заходит пламенем в крови.
И такая
 гордость
 за нее
Вдруг
 охватит
 существо твое,
Что тебе покажется на миг,
Будто ты
 в грядущее
 проник.

Я иду по улицам опять
Смотрит
 огнеглазая
 Москва.
Я хотел бы
 москвичей
 обнять
И сказать им
 лучшие слова.
Я хотел бы
 песню сочинить
Чтоб напев
 был радостен
 и прост,
Чтобы в ней
 Москвы звенела нить,
Отливал рубин
 кремлевских звезд.
О, столица дивная моя,
Душу
 снаряжаешь ты
 в полет!
Не одни советские края -
Вся планета
 о тебе
 поет.

1947

МУЛЛА, СИДЯЩИЙ ЗА МОЛИТВОЙ

Мулла, сидящий за молитвой,
Мне неприятен и смешон.
А я, сидящий за стихами,
Ведь я такой же, как и он,
Нет, не такой!

Он славит бога,
А я - людей всей силой строк.
Мулла - ничтожный раб аллаха,
А я в своих созданных - бог!

1949

Ты говоришь, что понял жизни тайну.
Так мысли сам теперь смелей и шире,
Пойми, что в жизни все необычайно,
И ничему не удивляйся в мире!

Ты на земле рожден, так знай ей цену,
Не облака - она твоя опора,
Спустись на землю, ибо за измену
Земля накажет и простит не скоро.

И глаз ее ты не застелешь лестью,
Плеть пустых мечтаний небылицы, -
В могучие, расправленные крылья
Мечта, взлетев, поверь, не превратится...

Ты просто станешь шелухой, и ветер
Тебя взметнет, подхватит и закружит.
Стать пылью среди зерен на планете -
Да разве есть на свете участь хуже?

Чтоб стать зерном, не легкой шелухой,
Пусть корни в глубь родной земли уходят.
Я этим вовсе не зову к покою,
А к зрелости, к цветению, плодородью.

Чем шелухой лететь в иные дали,
Ища необычайного повсюду,
Стань колосом, чтоб люди увидали
Твое зерно и подивились чуду.

1950

О СЕБЕ

Не кто-то другой, а я сам расскажу,
Кто я и откуда происхожу.
Слова наготове, и, словно стихию,
Я музыку бури в груди разбужу.

Касым я, и славлю я предков своих,
Кому-то - «осколок», бесценный - для них,
Я - внук Аманжолов, я - сын Рахимжана,
Я - их продолженье, бессмертье их.

Змятся дороги мои по земле,
Их тени лежат у меня на челе,
Дорога моя, неужели когда-то,
Скрутившись узлом, оборвешься во мгле?

Застыну ль на месте? Исчезну ль в пыли?
Следы мои вовсе сотрутся с земли?
Иль жизнь мою дальше продлят и продолжат,
Дадут мне бессмертье песни мои?

Вселенная! Светлый просторный наш дом!
Я - малая точка в пространстве твоём.
Просторы твои обойти не успею,
В сравнении с вечностью миг мы живём.

Грядущие люди! Вас видит Касым.
Идете землей, как дворцом золотым.
Я буду лежать под землей в это время,
Укутан навеки одеялом земным.

Как много морщин на лице у земли,
Следы мои - тоже под землю ушли.
Вы песню мою прочитаете, может,
И скажете нежно: «Мы - внуки твои!»

Так жаждал я жизни! Так всею душой
Стремился вперед я, как будто на бой!
Но краткая жизнь нам дана на планете,
И вечно не может продолжиться той.

Ночами сменяются светлые дни.
Приходят другие, уходят одни, -
Идут поколения вслед поколениям.
Бессмертье земли продолжают они.

Не вечно гостями нам быть на пиру.
Да будет красна мне и смерть на миру.
Я счастлив, что я человеком родился,
Кончина придет - человеком умру.

Как звезды, глаза мои ярко цвели
И видели все и вблизи, и вдали.
Так что ж - неужели и вы отцветете
И тоже исчезнете в прахе, в пыли?

Стихи - мое счастье и гордость моя,
Они мне - и дети, они - и друзья.
Не зря же на свет этот я появился,
Так, значит, и жизнь проживу я не зря.

И грудь моя пламенем дышит, как горн,
Слова я кую, вдохновенен и горд,
Я, в музыку их погрузив, закаляю,
Чтоб стих получился и звонок и тверд.

Не рыхлая глина, не хрупкая вещь,
Не речки журчанье стихов моих речь;
Возьмите вы стих мой, наследники, в руки
Разящий и острый, как рыцаря меч!

Я, вольнолюбивый и бурный Касым,
Иду по цветущим просторам цветным.
Весна - мое сердце, лицо мое - лето,
И весь я наполнен восторгом живым.

Был баловнем я в этой жизни, друзья,
Звучала без умолку песня моя.
Мечта моя рано крылатою стала
И ввысь поднимала, зовя и маня.

Широко я крылья свои распростер,
В объятия принял весь этот простор;
Я понял свой путь, не метался бесцельно,
Я ведал печали и ведал восторг.

Я сердце свое не жалел для друзей.
Кто щедрости доброй не ведал моей?
Бывало, терял недостойного друга, -
Спешили дать руку мне сотни людей.

Касым я, всё тот же я - прежний Касым,
Не занятый счастьем лишь только своим.
Коль честен и добр, - ты мне друг
закадычный.
Ты мне не товарищ, коль ты нелюдим.

Все честные, щедрые сердцем - сюда!
Поэтом Касымом я буду всегда.
Года надо мной пролетают, как птицы, -
Приветствую песнею встречной года!

И после кончины я буду таким.
Останусь я с вами, с народом родным.
На милой земле бугорком я останусь,
Укутанным доверху шелком степным.

Не буду я слышать себя самого,
Не буду я видеть уже ничего,
Погаснет, как молния, враз безвозвратно
Живая улыбка лица моего.

Как горько мне знать, что и ты замолчишь,
Однажды затихнешь - свое отстучишь,
О сердце мое! О часы моей жизни!
Подбитым птенцом ты на землю слетишь,

Когда, отсверкав, как в сраженьях мечи,
Погаснет мой разум, как гаснут лучи,
И ты, соколиный и звонкий мой голос,
Исчезнешь в природе, замолкнешь в ночи.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Так дай же мне в руку родную домбру,
Я музыкой буду, пока не умру,
Из жизни единственной, неповторимой
Я сделаю песню и всем подарю!

На свете появится новый Касым,
Не раз обратится он к песням моим.
Когда загремят они, буре подобно, -
Кто скажет, что умер я, старый Касым?

1954

*Переводы Вл. Цыбина
и Вс. Рождественского*